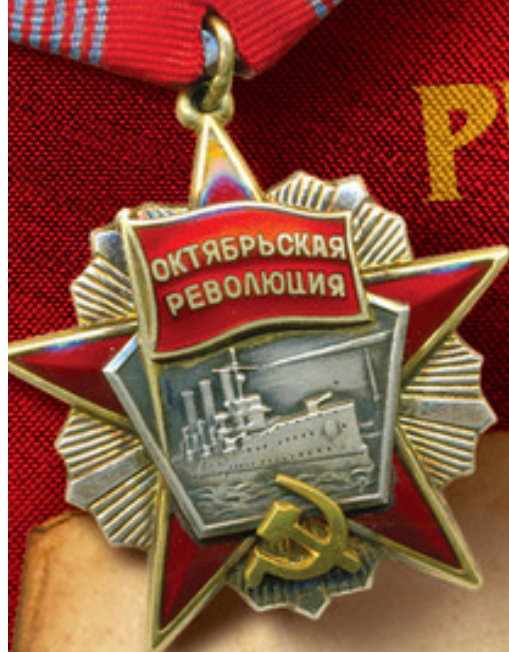

**РЕВОЛЮЦИЯ
И МЫ**

**ВАДИМ
КОЖИНОВ
ЧЕРНОСОТЕНЦЫ
И РЕВОЛЮЦИЯ**

Революция и мы

Вадим Кожин

Черносотенцы и Революция

«Алисторус»

1998

УДК 94(47)"1905/17"
ББК 63.3(2)52

Кожин В. В.

Черносотенцы и Революция / В. В. Кожин — «Алисторус»,
1998 — (Революция и мы)

ISBN 978-5-906861-21-4

Вадим Валерианович Кожин, писатель, историк и публицист, создал свое направление в российской исторической науке, которое позволило дать иную оценку событиям нашего прошлого и по-новому оценить многие проблемы нашей страны. В книге, представленной вашему вниманию, В. В. Кожин подробно рассматривает историю русского революционного и так называемого «черносотенного» движения с 1905 по 1917 год. По мнению автора, «черносотенцы» являлись последним оплотом российской государственности, именно поэтому они подвергались ожесточенным нападкам со стороны революционного и либерального лагерей до тех пор, пока не были уничтожены окончательно. Как это происходило, автор показывает на многочисленных примерах, привлекая большое количество фактического материала.

УДК 94(47)"1905/17"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906861-21-4

© Кожин В. В., 1998
© Алисторус, 1998

Содержание

Введение	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вадим Кожин

Черносотенцы и Революция

Введение

О возможной точке зрения на Российскую революцию

История России в нашем столетии являет собой главным образом историю Революции. Я пишу это слово с заглавной буквы (так, между прочим, писал его полтора столетия назад в своих историософских стихотворениях и статьях Ф. И. Тютчев, хотя он имел в виду, понятно, европейскую – прежде всего французскую – Революцию, развертывавшуюся с 1780-х по 1870-е годы), ибо речь идет не о каких-либо пусть значительнейших, но все же отдельных революционных событиях, свершившихся в 1905, 1917, 1929 и т. п. годах, а о многообразной, но в конечном счете целостной исторической динамике, определившей путь России с самого начала нашего века и до сего дня.

В прошлом году исполнилось 80 лет со времени «пики» Революции Февральского и Октябрьского переворотов 1917 года; срок немалый, но едва ли есть основания утверждать, что историки выработали действительно объективное, беспристрастное понимание хода событий. И, конечно, мое сочинение – это именно и только опыт исследования, но, надеюсь, в той или иной степени пролагающий путь к пониманию нашей истории XX века.

Революция предстает как результат действий различных и даже, казалось бы, совершенно несовместимых социально-политических сил, ставивших перед собой свои, особенные цели. Общим для этих сил было отвержение российского социально-политического устройства, что выражалось в едином для них лозунге «Свобода!», «Освобождение!», имевшем в виду ликвидацию исторически сложившихся «ограничений» в сфере экономики, права, политики, идеологии.

Характерно, что явившиеся на политическую сцену на рубеже XIX–XX вв. группы предшественников и большевистской, и вроде бы крайне далекой от нее конституционно-демократической (кадетской) партий с самого начала поставили этот лозунг во главу угла, назвав себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (его возглавил В. И. Ленин) и «Союзом Освобождения» (его глава И. И. Петрункевич впоследствии стал председателем ЦК кадетской партии).

Сегодня большевики и кадеты кажутся чем-то абсолютно чуждым друг другу, но вспомним, что видный политический деятель того времени П. Б. Струве сначала тесно сотрудничал с В. И. Лениным и даже составлял Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП; в ее рамках в 1903 году сформировался большевизм), а в 1905 году стал одним из лидеров кадетской партии.

Или другой – менее известный – факт: С. М. Киров (Костриков), вначале связанный с РСДРП, в 1909 году на долгое время оказался в русле кадетской партии, став даже ведущим сотрудником северокавказской кадетской газеты «Терек», и лишь накануне Октябрьского переворота «вернулся» в РСДРП(б), а впоследствии был одним из главных ее «вождей» (см. об этом, например: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. – М., 1996, с. 120–121).

Вообще необходимо осознать, что почти все политические течения начала XX века были, если выразиться попросту, «за Революцию», и переход Кирова из РСДРП к кадетам вовсе не означал отказа от революционных устремлений. Мне, вероятно, напомнят, что большевики обличали кадетов как «контрреволюционеров». Но ведь и кадеты, в свою очередь, клей-

мили «контрреволюционерами» самих большевиков. И эти взаимные обвинения вполне закономерны и понятны: дело здесь прежде всего в том, что каждая из партий претендовала на главенство в Революции и, далее, в долженствующем создаться после ее победы новом социально-политическом устройстве.

Очень показательно в этом смысле «противоречие», содержащееся в 3-м издании «Большой советской энциклопедии». В статье о кадетях (ее авторы – историки А. Я. Аврех и Н. Ф. Славин) эта партия вместе с ее предшественником, «Союзом Освобождения», квалифицирована как «партия контрреволюционной либерально-монархической буржуазии» (т. 11, с. 389), однако в статье той же самой БСЭ «Союз Освобождения», составленной известным специалистом в этой области историографии, К. Ф. Шаццло, читаем: «Большевики во главе с В. И. Лениным выступали против попыток «Союза Освобождения» захватить руководство революционно-освободительным движением и одновременно боролись за высвобождение из-под влияния либералов радикального крыла «Союза Освобождения»...» (т. 24, с. 272).

Если бы кадеты действительно были контрреволюционной партией, едва ли вообще мог встать вопрос об их «руководстве революционно-освободительным движением», и едва ли в этой партии имелось бы «радикальное (то есть особо «левое») крыло».

Тем не менее в сочинениях советских историков кадеты, как правило, предстают в качестве «контрреволюционной» силы, а «антисоветские» (эмигрантские, зарубежные и в настоящее время многие «бывшие советские» или «пост советские») историки нередко усматривают «контрреволюционность», напротив, в большевиках, которые, захватив власть, не дали «освободить» Россию, – к чему, мол, стремились кадеты (а также эсеры, меньшевики и т. д.).

Как уже сказано, взаимные обвинения из уст кадетских и большевистских деятелей были естественным порождением политического соперничества. Однако совершенно иной характер имеют подобные обвинения, когда они появляются в позднейших сочинениях историков: эти обвинения означают, что историк по сути дела отказывается от беспристрастного анализа, который вроде бы призвана осуществлять историография, и рассматривает ход Революции как бы глазами одной из участвовавших в ней партий.

Сегодня всем ясно, что советская историография, изучавшая Революцию всецело с «точки зрения» большевиков, никак не могла быть действительно объективной (достаточно сказать, что роль большевиков в событиях 1903–1916 годов крайне преувеличивалась; на самом деле они обрели первостепенное значение только летом 1917 года). Но нынешние сочинения историков, фактически избирающих «точкой отсчета» для взгляда на Революцию кадетов либо, скажем, эсеров, в сущности еще более далеки от объективного понимания хода истории, – более потому, что кадеты и эсеры потерпели поражение, и смотреть на ход Революции их глазами – едва ли плодотворное дело.

Необходимо четко осознать принципиальное различие между задачами, встающими перед нами в отношении современности, настоящего, сегодняшней ситуации в политике, экономике и т. д., и с другой стороны, теми целями, которые встают при нашем обращении к более или менее отдаленному прошлому, к тому, что уже стало историей.

Когда мы имеем дело с современностью, у нас есть возможность (разумеется, именно и только возможность, далеко не всегда осуществляемая) оказать реальное воздействие на ход событий, конечный результат которых пока неизвестен и может оказаться различным. Поэтому, в частности, вполне понятны и уместны наша поддержка той или иной политической силы, представляющейся нам наиболее «позитивной» и способной победить в развертывающейся сегодня борьбе, а также наше стремление воспринимать действительность с точки зрения этой силы. Однако в прошлом (что вполне понятно) уже ничего нельзя изменить, результат развертывавшейся в нем борьбы известен, и любая попытка ставить вопрос о том, что результат-де мог быть иным, в конечном счете вредит пониманию реального хода истории: мы неизбежно начинаем размышлять не столько о том, что совершилось, сколько о том, что, по нашему

мнению, могло совершиться, и «возможность» в той или иной мере заслоняет от нас историческую действительность. Это, к сожалению, типично для нынешних сочинений о Революции.

Вместе с тем нельзя не видеть, что пока еще крайне трудно, пожалуй, даже вообще невозможно изучать ход Революции, полностью отрешившись от нашего отношения к действовавшим с начала XX века политическим силам. В более или менее отдаленном будущем, когда уместно будет сказать словами поэта, что «страсти улеглись», подлинная объективность станет, очевидно, достижимой целью. Но сегодня, в наши дни, когда на политической сцене появляются течения, открыто провозглашающие себя «продолжателями» дела тех или иных возникших в начале века партий (от радикально социалистических до принципиально «капиталистических») требования смотреть на Революцию с совершенно «нейтральной» точки зрения являются заведомо утопичными.

Проблему, встающую сегодня перед историками Революции, можно и важно осмыслить именно в плане соотношения прошлого, настоящего и будущего. Ясно, что любое исследование истории – это взгляд из будущего в прошлое, а исследование настоящего, современности (то есть предпринятое непосредственно в период развертывания исследуемых событий) едва ли способно стать полноценным явлением исторической науки; оно представляет собой, скорее, явление политической публицистики, цель которой заключается не столько в том, чтобы беспристрастно познать ход событий, сколько в том, чтобы воздействовать на этот ход, стремиться направить его по наиболее «позитивному» (с точки зрения автора того или иного публицистического сочинения) пути. Это, конечно, не значит, что публицистика вообще не может нести в себе объективного понимания хода нынешних событий, но все же главная цель исследования современных событий (конечный итог, «плод» которых еще, так сказать, не созрел) естественно и неизбежно раскрывается как стремление способствовать тому или иному вероятному итогу.

Тот очевидный факт, что сегодня так или иначе продолжается политическая и идеологическая борьба, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков (например, если выразиться наиболее кратко и просто, борьба между «капитализмом» и «социализмом»), побуждает придти к существенному выводу: история России XX века (в отличие от истории XIX-го и предшествующих веков) еще не стала для нас в истинном смысле слова прошлым, мы еще в сущности не можем смотреть на нее из действительного будущего – то есть из иной, «новой» исторической эпохи, наступающей тогда, когда итоги предыдущей так или иначе подведены, и о них в самом деле можно судить беспристрастно.

Вместе с тем было бы, конечно, нелепо «отложить» на какое-то время изучение этой истории, а, кроме того, даже наиболее политизированное (скажем, догматически советское или заостренно антисоветское) исследование хода Революции все же способно выяснить нечто существенное – пусть и с определенными ограничениями и искажениями. Наконец, нельзя упускать из виду, что у современных историков, которые не отдалены от событий многими десятилетиями и тем более веками, есть и несомненные преимущества перед теми, кто будет изучать Революцию в условиях совсем иной, грядущей эпохи с ее особыми проблемами и настроениями (хотя, конечно, наши потомки обретут, надо думать, такую объективность взгляда на итоги Революции, которая нам недоступна).

И, рассуждая о непреодолимой «тенденциозности» нынешних сочинений об еще не ставшей «прошлым» Революции, я отнюдь не перечеркиваю усилия историков, основывающихся на той или иной «точке зрения» («большевистской», «кадетской» и т. п.); в конце концов эти усилия в своей совокупности способны дать многостороннюю картину. Я только предлагаю подойти к делу более ответственно и, прежде всего, более осознанно, чем это обычно имеет место. Если вдуматься, главные «недостатки» тех сочинений об истории XX века, которые основываются на «точке зрения» какой-либо из политических сил (большевиков, кадетов и т. д.) проистекают не столько из самой этой – по сути дела в настоящее время неизбежной

– «политизированности», сколько из того факта, что она или не выявлена, или даже вообще не осознана авторами этих сочинений, преподносимых в качестве будто бы вполне «объективных». Открытое признание о сделанном автором такого сочинения выборе «точки зрения» дало бы существенную корректировку его анализа и его выводов.

В моем сочинении «точка зрения» или, вернее будет сказать, «точка отсчета» избрана вполне сознательно, и я говорю о ней с полной откровенностью: это крайне «консервативные» политические движения начала века, которое обычно называют «черносотенными».

Этот выбор вроде бы означает, что я оказываюсь в точно таком же положении, как и историки, которые сегодня избирают «точкой отсчета» большевиков, кадетов, эсеров и т. д. Ведь в настоящее время действуют если и не в полном – практическом – смысле слова политические, то идеологические силы, прямо и непосредственно считающиеся (и даже сами считающие себя) наследниками «черносотенцев» начала века. И, следовательно, мое сочинение будет являть собой не столько исследование истории, сколько выдвижение «черносотенства» в качестве программы для современной, сегодняшней борьбы в сфере идеологии и, в конечном счете, политики.

Однако мое сочинение в его целом, надеюсь, убедит каждого читателя в том, что программа «черносотенцев» не может «победить» – как не могла она победить уже и в начале нашего века... Впрочем, и здесь, в предисловии, уместно и должно сказать об этом хотя бы вкратце.

«Черносотенцы» начала века исходили из того, что преобладающее большинство населения России нерушимо исповедует христианско-православные, монархически-самодержавные и народно-национальные убеждения, которые составляют самую основу сознания и бытия этого большинства. Однако ход истории со всей несомненностью показал, что такое представление было иллюзорным. Ныне же, в конце века, лишь не желающие оглянуться вокруг, замкнувшиеся в мире чисто умозрительных построений люди могут надеяться на победу «черносотенных» идей (о политиках, только делающих вид, что они верят в соответствующий дух современного народа, говорить в данном случае незачем). И я избираю «черносотенцев» в качестве точки отсчета для взгляда на историю России XX века отнюдь не потому, что вижу в их идеологии вероятную программу грядущего пути России. События последнего времени (в частности, результаты различных избирательных кампаний) показали, что политические силы, которые в той или иной мере являются «наследниками» большевиков, или кадетов, или эсеров, могли получать более или менее широкую поддержку населения страны. Однако нынешние православно-монархические течения, так или иначе, но действительно «продолжающие» линию «черносотенцев» начала века, явно не имеют такой поддержки и не способны повести за собой значительные слои народа. Едва ли можно назвать хотя бы одного современного политического деятеля, который, открыто выдвинув последовательную православно-монархическую программу, победил на каких-либо выборах.

Говоря об этом, я, понятно, отнюдь не имею в виду патриотические устремления вообще, которые в той или иной ситуации были присущи и «советской» эпохе. Идеология «черносотенства» всецело основывалась на безусловной, так сказать, врожденной православной Вере, еще сохранявшейся к началу XX века в душах миллионов русских людей; подлинный монархизм и немислим без Веры, ибо монарх должен представлять как «помазанник Божий», находящийся на троне по Высшей (а не человеческой) воле.

И, повторю еще раз, я обращаюсь к «черносотенству» начала века вовсе не потому, что усматриваю в нем некий прообраз нашего будущего пути (по крайней мере – предвидимого сегодня будущего). Как раз напротив! «Черносотенство» в данном случае нужно и важно в качестве воплощения не будущего, а прошлого.

Как уже сказано, мы еще по сути дела не можем смотреть на Революцию из будущего; она в той или иной степени остается не преодоленным настоящим, которое властно порождает

стремление не столько познавать, сколько действовать – хотя бы действовать словом – и создавать скорее «программы», чем исследования хода истории.

Но если пока еще крайне труден или вообще невыносим взгляд на Революцию из беспристрастного будущего, есть основания попытаться взглянуть на нее из предшествовавшего ей прошлого, которое как раз и являли собой на политической сцене начала века «черносотенцы». Могут возразить, что воплощением прошлого была прежде всего сама тогдашняя власть – царь и его правительство. Но это едва ли сколько-нибудь верно; понимание российской власти начала века как всецело «реакционного» явления было первоначально внедрено в умы (и в сущности остается в них и сегодня) борющимися с ней силами – от кадетов до большевиков. Одна уже фигура председателя Совета министров П. А. Столыпина, игравшего первостепенную роль в 1906–1911 годах, опровергает подобное понимание, ибо «прогрессизм» явно преобладал в этом правителе над «консерватизмом». Так, осуществленные тогда кардинальные изменения в судьбе миллионов крестьян превосходят по своей значительности все, что принимали до февраля 1917 года другие «прогрессивные» силы.

И вполне закономерно, что «черносотенцы», которые поначалу поддерживали политику Столыпина, решительно борющегося с бунтами и террором 1906–1907 годов, позднее резко и даже очень резко выступали против его реформаторской деятельности, ибо смотрели на современность всецело с точки зрения прошлого России.

Я отдаю себе отчет в том, что предложение смотреть на Революцию «из прошлого» может быть воспринято как сомнительный или по меньшей мере парадоксальный «метод». Но подчеркну еще раз, что по отношению к XX веку естественный для историка взгляд на прошлое из будущего вряд ли осуществим в наше время, и историография, так сказать, обречена смотреть на Революцию ее глазами (вернее, глазами той или иной действовавшей в ней политической силы). А обращение к прошлому, к принципиально «реакционной» политической силе дает – при всех вероятных оговорках – возможность увидеть Революцию «сторонним», то есть в какой-то мере объективным взглядом (между тем глазами большевиков, кадетов и т. п. мы неизбежно смотрим на Революцию не извне, а изнутри).

И если даже эта постановка вопроса воспринимается с полнейшей недоверчивостью, дальнейшее изложение, надеюсь, в той или иной степени убедит моих читателей в оправданности (пусть хотя бы частичной, относительной) предлагаемого «метода» исследования хода Революции.

И еще одно соображение. Уже было отмечено, что взгляд на Революцию с точки зрения кадетов или эсеров малопродуктивен, ибо эти партии потерпели сокрушительное поражение – и, значит, оказались недальновидными, не понимали или хотя бы плохо понимали, куда ведут события – в том числе события, вызванные их собственными действиями. Но ведь и «черносотенцев» скажут мне – постиг полный крах, – притом даже раньше, чем тех же кадетов; они фактически сошли с политической сцены уже во время Февральского переворота 1917 года, и (выразительный факт!) один из их известнейших предводителей, В. М. Пуришкевич, летом этого года объявил о своем присоединении к кадетам!

Однако в идеологии «черносотенцев» имелся, как будет показано, существеннейший момент: они, в отличие от кадетов, эсеров и т. д., рано (не позднее 1910 года) и достаточно ясно осознали неизбежность своего поражения (я имею в виду, конечно, не всех участников «черносотенного» движения, а его основных идеологов). И это осознание дало им немалые преимущества перед «слепо» рвавшимися к победе кадетами, эсерами и т. д.; они гораздо лучше других политических сил понимали, к чему ведет Революция.

Глава 1

Кто такие «черносотенцы»?

Как уже сказано, прописная буква в слове «Революция» употреблена для того, чтобы подчеркнуть: речь идет не о каком-либо революционном взрыве (декабря 1905-го, февраля 1917-го и т. д.), но обо всем грандиозном катаклизме, потрясшем Россию в XX веке. Широкое значение имеет и слово «черносотенцы». Нередко вместо него предпочитают говорить о «членах Союза русского народа», но при этом дело сводится только к одной (пусть и наиболее крупной) патриотической и антиреволюционной организации, существовавшей с 8 ноября 1905-го и до февральского переворота 1917 года. Между тем «черносотенцами» с полным основанием называли и называют многих и весьма различных деятелей и идеологов, выступивших намного ранее создания Союза русского народа, а также не входивших в этот Союз после его возникновения и даже вообще не состоявших в каких-либо организациях и объединениях. Поэтому слово «черносотенцы», несмотря на его одиозное, то есть имеющее крайне «отрицательное» и, более того, проникнутое ненавистью значение, все же наиболее уместно при исследовании того явления, которому посвящена эта глава моего сочинения.

Да, слово «черносотенцы» (производное от «черная сотня») предстает как откровенно бранная кличка. Правда, в новейшем «Словаре русского языка» (1984) была предпринята попытка дать более или менее объективное толкование этого слова (привожу его целиком): «Черносотенец. Член, участник погромно-монархических организаций в России начала 20 века, деятельность которых была направлена на борьбу с революционным движением».

Небесполезно разобраться в этом определении. Странноватый двойной эпитет «погромно-монархические» явно призван сохранить в толковании этого слова бранный (таково уж само это словечко «погромный») привкус. Правильнее было бы сказать «крайне» или «экстремистски монархические» (то есть не признающие никаких ограничений монархической власти); определение «погромные» неуместно здесь уже хотя бы потому, что некоторые заведомо «черносотенные» организации – например, Русское собрание (в отличие от того же Союза русского народа) – никто никогда не связывал с какими-либо насильственными – то есть могущими быть отнесенными к «погромным» акциями.

Во-вторых, в приведенном словарном определении неправомерно ограничение понятием «монархизм»; следовало сказать об «организациях», защищавших традиционный тройственный, триединый принцип – православие, монархия (самодержавие) и народность (то есть самобытные отношения и формы русской жизни). Во имя этой триады «черносотенцы» в вели непримиримую, бескомпромиссную борьбу с Революцией, – притом гораздо более последовательную, чем многие тогдашние должностные лица монархического государства, которых «черносотенцы» постоянно и резко критиковали за примирение либо даже прямое приспособленчество к революционным – или хотя бы к сугубо либеральным – тенденциям. Не раз «черносотенная» критика обращалась даже и на самого монарха, и на главу православной церкви, и на крупнейших творцов национальной культуры (более всего – на Толстого, хотя в свое время именно он создал «Войну и мир» – одно из самых великолепных и полнокровных воплощений того, что обозначается словом «народность»).

Далее, разбираемое словарное определение не вполне четко обрисовало те, так сказать, границы, в которых существовали «черносотенцы»; говорится и о «членах», и также об «участниках» соответствующих организаций. В этом видно стремление как-то разграничить прямых, непосредственных «функционеров» этих организаций и, с другой стороны, «сочувствующих» им, в той или иной мере разделяющих их устремления деятелей – то есть скорее «соучастников», чем «участников». Так, например, авторы и сотрудники редакции знаменитой газеты

«Новое время» (в отличие, скажем, от сотрудников редакций газет «Московские ведомости» или «Русское знамя») не входили в какие-либо «черносотенные» организации и даже нередко и подчас весьма решительно их критиковали, но тем не менее «нововременцев» все же вполне основательно причисляли и причисляют к лагерю «черносотенцев».

Наконец, словарное определение относит к «черносотенцам» только деятелей «начала 20 века»; между тем это обозначение часто – и опять-таки с полным основанием – применяется и ко многим деятелям предыдущего, XIX века, хотя и называют их так, конечно, задним числом. Но, как бы там ни было, начиная по меньшей мере с 1860-х годов на общественной сцене выступали идеологи, которые явно представляли собой прямых предшественников тех «черносотенцев», которые действовали в 1900 – 1910-х годах. Собственно говоря, убеждения принадлежавших к старшим поколениям виднейших деятелей «черносотенных» организаций – таких, например, как Д. И. Иловайский (1832–1920), К. Ф. Головин (1843–1913), С. Ф. Шарпов (1850–1911), В. А. Грингмут (1851–1907), Л. А. Тихомиров (1852–1923), А. И. Соболевский (1856–1929) – вполне сложились еще до начала XX века.

Итак, обрисованы общие контуры явления, известного под названием «черносотенство». Нельзя, впрочем, умолчать о том, что слово это – или, точнее кличка – последние несколько лет самым активным образом используется по отношению к тем или иным современным, сегодняшним деятелям и идеологам. Но это уже совершенно особый вопрос, о котором можно рассуждать только после уяснения действительного характера дореволюционного «черносотенства».

Как сказано, слово «черносотенцы» – а также словосочетание «черная сотня», от которого оно образовано, – употреблялось и употребляется по сути дела в качестве бранной клички, своего рода проклятия (хотя в новейших словарях и можно найти примеры более «спокойного» толкования). Еще в 1907 году известнейший «Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона» (2-й дополнительный том) «заложил основы» именно такого словоупотребления (курсив в цитируемом тексте, а также в дальнейшем – кроме специально оговоренных случаев – мой. – В.К.):

«Черная сотня – ходячее название, которое в последнее время стало применяться к подонкам населения... Черносотенство под разными наименованиями являлось на историческую сцену (например в Италии – каморра и мафия)... При культурных формах политической жизни черносотенство обыкновенно исчезает... И далее: «... сами черносотенцы охотно приняли эту кличку, она делается признанным наименованием всех элементов, принадлежащих к крайне правым партиям и противоположающих себя «красносотенцам». В № 141 «Московских ведомостей» за 1906 год было помещено «Руководство черносотенца-монархиста»... Такой же характер имеет брошюра А. А. Майкова «Революционеры и черносотенцы» (СПб., 1907)...»

В этой словарной статье, между прочим, дано и иное, не бранное определение «черносотенцев»: речь идет об «элементах», то есть, попросту говоря, о людях (автор словарной статьи как бы не хотел называть их «людьми»), «принадлежащих к крайне правым партиям»; выражение «крайне правые» можно было бы заменить и более «научным» – «крайне консервативные» или, в конце концов, «реакционные» (правда, и это слово в России давно уже стало «ругательным»). Но словарь относится с явным предпочтением к обозначению «черносотенцы», ловко ссылаясь на то, что «сами черносотенцы охотно приняли эту кличку», – как будто они были готовы принять на себя и такие содержащиеся в словарной статье определения, как «подонки» и «мафия», а также обвинение в полной несовместимости с культурой (ведь, согласно словарю, «при культурных формах политической жизни черносотенство исчезает») и т. п.

Сам по себе факт, что «черносотенцы» не возражали против навязываемой им «клички», не столь уж удивителен. Не раз в истории название какого-либо течения принималось из враждебных или хотя бы чуждых уст; так, например, Хомяков, Киреевские, Аксаковы, Самарин не отреклись от названия «славянофилы», которое употреблялось по отношению к ним

в качестве заведомо иронической, издевательской (пусть и не заряженной столь яркой ненавистью, как «черносотенцы») клички.

При этом идеологи «черносотенства» хорошо знали действительную историю слова, ставшего их «кличкой», – историю, прослеженную, например, в классическом курсе лекций В. О. Ключевского «Терминология русской истории», литографическое издание которого появилось еще в 1885 году. Словосочетание «черная сотня» вошло в русские летописи, начиная с XII века (!), и играло первостепенную роль вплоть до Петровской эпохи. В средневековой Руси, показывал В. О. Ключевский, «общество делилось на два разряда лиц, – это «служилые люди» и «черные». Черные люди... назывались еще земскими... Это были горожане... и сельчане – свободные крестьяне». А «черные сотни – это разряды или местные общества», образованные из «черных», «земских» людей»¹.

Итак, «черные сотни» – это объединения «земских» людей, людей земли, в отличие от «служилых», чья жизнь была неразрывно связана с учреждениями государства. И именуя свои организации «черными сотнями», идеологи начала XX века стремились тем самым возродить древний сугубо «демократический» порядок вещей: в тяжкое для страны время объединения «земских людей» «черные сотни» – призваны спасти ее главные устои.

Основоположник организованного «черносотенства» В. А. Грингмут (о нем еще пойдет речь) в своем уже упомянутом «Руководстве монархиста-черносотенца» (1906) писал:

«Враги самодержавия называли «черной сотней» простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного Царя. Почетное ли это название, «черная сотня»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников»².

Из этого ясно, в частности, что идеологи «черносотенства» приняли сию «кличку» и даже дорожили ею в силу ее глубокого народного, проникнутого подлинным демократизмом смысла и значения. Кое-кому последнее утверждение может показаться чисто парадоксальным, ибо ведь как раз непримиримые враги, антиподы «черносотенцев» объявляли себя единственными настоящими «демократами». Но вот весьма любопытное признание идеолога, коего никак нельзя заподозрить в стремлении «обелить» крайних противников Революции: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»³. Так писал в 1913 году не кто-нибудь, а В. И. Ленин. Притом данное им определение «темный» нужно правильно понять. Речь идет, несомненно, о тех слоях народа, которые еще не затронуты «светом», «просвещением», исходящим со страниц революционных газет и из уст воинственных митинговых агитаторов. Но в наше время уже нетрудно, полагаю, понять, что отсутствие такого «просвещения» обеспечивало и немалые преимущества. Ибо не «просвещенные» в этом плане люди глубже и яснее сознавали или хотя бы чувствовали, к чему приведет разрушение основных устоев русского бытия – то есть православия, самодержавия и народности. Чувствовали и пытались сопротивляться разрушительной работе...

Словом В. И. Ленин был совершенно прав, говоря о «самом глубоком демократизме», присущем «черносотенству». И в то же время ленинское определение «мужицкий» ложно. «Черносотенство» отличалось от всех остальных политических течений своей, если угодно, «общенародностью», оно складывалось поверх границ классов и сословий. В нем с самого начала принимали прямое участие и родовитейшие князья Рюриковичи (например, правнук декабриста М. Н. Волконский и Д. Н. Долгоруков), и рабочие Путиловского завода (1500 из

¹ Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. – М., 1959, т. VI, с. 157, 159, 165.

² Цит. по кн.: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. с. 9.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 18.

них были членами Союза русского народа)⁴, виднейшие деятели культуры (о чем еще пойдет речь) и «неграмотные» крестьяне, предприимчивые купцы и иерархи Церкви и т. д. Эта «всесловность» в обстановке острейшей «классовой борьбы», характерной для начала XX века, уже сама по себе привлекает заинтересованное внимание.

Здесь уместно напомнить о том, что речь у нас вообще идет о загадочных страницах истории. И разве не загадочен уже сам по себе факт, что очень многие из нынешних популярных авторов и ораторов, стремящихся как можно более «беззаветно» разоблачить и проклясть Революцию, в то же самое время явно с еще большей яростью проклинаяют «черносотенцев», которые с самого начала Революции с замечательной, надо сказать, точностью предвидели ее чудовищные последствия и были, в сущности, единственной общественной (то есть не принадлежавшей непосредственно к государственным институтам) силой, действительно стремившейся (пусть и тщетно) остановить ход Революции?..

Это достаточно сложная «загадка», которую я буду пытаться прояснить на протяжении всего этого сочинения, но важно, чтобы читатели постоянно имели ее в виду.

Стоит еще обратить внимание на то обстоятельство, что чисто бранному употреблению слова «черносотенцы» (и, конечно, «черная сотня») весьма способствует новейшее смысловое наполнение эпитета «черный», присутствующее в нем помимо его прямого значения – то есть значения определенного цвета. Мы видели, что в свое время «черный» было синонимом слова «земский». Войско Дмитрия Донского, как сообщает «Сказание о Мамаевом побоище», сражалось на Куликовом поле под черным знаменем, и это, возможно, означало, что в битве участвуют не только «служилые», но и «земские» люди – то есть вся Русская Земля. Напомню еще, что «чернецами» звались монахи (и по сей день еще употребляется словосочетание «черное духовенство» – то есть монашество). Таким образом, слово «черный» было достаточно многозначным. Однако в новейшее время в нем стали господствовать смысловые оттенки, говорящие о чем-то сугубо «мрачном», «враждебном» или даже «сатанинском»... И эти обертона значения слова «черный» используются, подчеркиваются интонацией при произнесении слова «черносотенцы», так что в самом деле нелегко «обелить» (невольнo напрашивается эта игра слов) обозначаемое им явление. И все же постараемся понять, – кто же такие в действительности были «черносотенцы»?

Начать целесообразно с того необходимого фундамента, на котором создается любое общественное движение – проблемы культуры (культуры философской, научной, политической и т. д.). Конечно, есть общественные движения, основывающиеся на весьма или даже крайне небогатом, неразвитом и узком культурном фундаменте, но так или иначе он все же обязательно наличествует.

В представлениях о «черносотенцах» абсолютно господствует оценка их культурного уровня как предельно низкого; они рисуются в качестве таких «черных-темных» субъектов, живущих набором примитивных догм и трафаретных лозунгов. Именно так истолковывается, например, постоянно упоминаемая обычно с сугубо иронической интонацией – основополагающая для черносотенцев триада: «православие, самодержавие, народность».

Конечно, в сознании тех или иных заурядных людей эта тройственная идея – как, впрочем, и вообще любая идея – существовала в качестве плоского, не обладающего весомым смыслом лозунга. Но едва ли возможно всерьез оспорить утверждение, что в духовном творчестве Ивана Киреевского, Хомякова, Тютчева, Гоголя, Юрия Самарина, Константина и Ивана Аксаковых, Достоевского, Константина Леонтьева многовековые реальности русской Церкви, русского Царства и самого русского Народа предстают как феномены, исполненные богатейшего и глубочайшего исторического содержания, которое по своей культурной и духовной ценно-

⁴ Степанов С. А., указ. соч., с. 226.

сти ничуть не уступает, скажем, историческому содержанию, воплощенному в западноевропейском самосознании.

Несмотря на это, и на Западе, и в России, разумеется, были и есть многочисленные идеологии, пытающиеся всячески принизить развивавшееся в течение столетий содержание русского исторического пути, объявляя его чем-то заведомо и гораздо менее значительным, нежели содержание, запечатлевшееся в западноевропейском самосознании. Однако такие попытки, повторюсь, попросту не серьезны.

Они, в частности, оказываются в поистине нелепом противоречии с тем очевидным фактом, что наследие перечисленных только что русских писателей и мыслителей давно и предельно высоко оценено на Западе, – подчас (пусть это звучит как-то постыдно для русских людей...) более высоко, чем в самой России. И попытки обесценить выраженное в их наследии понимание тройственной идеи «православие – самодержавие – народность» свидетельствуют либо об убогости тех, кто предпринимает подобные попытки, либо об их недобросовестной тенденциозности (кстати сказать, для дискредитации «тройственной идеи» применяется такой прием: вот, мол, Достоевский действительно несравненный гений, но была у него странная Ахиллесова пята: вера в Церковь, Царя и Народ).

Нельзя не заметить, что наиболее «умные» противники тройственной идеи поступали и поступают по-иному. Они отдают высокие или даже высочайшие почести вдохновлявшимся этой идеей русским мыслителям XIX века, особенно дореформенного периода, но утверждают, что, мол, к XX веку сия идея «разложилась» или «выродилась» и стала-де превращаться в вульгарную догму.

Владимир Соловьев, начавший, между прочим, свой путь именно в среде правоверных славянофилов и их наследников, в тесной связи с Иваном Аксаковым, Достоевским, Леонтьевым, к середине 1880-х годов очень резко изменяет свои позиции и все более непримиримо критикует (нередко до удивления легковесно) своих недавних единомышленников. В 1889 году он публикует пространную статью с выразительным названием: «Славянофильство и его вырождение». Здесь он, достаточно высоко оценивая славянофилов 1840-1850-х годов, почти целиком отвергает современных ему продолжателей славянофильства.

Далее, лидер либерализма П. Н. Милюков в 1893 году (то есть также ранее появления «черносотенства» в прямом смысле слова) выступает со статьей «Разложение славянофильства»; вне зависимости от намерений автора и это название подразумевало, что в свое время «славянофильство» было чем-то существенным, но к 1893 году оно-де «разложилось» и, следовательно, утратило свое прежнее значение.

В 1911 году историк культуры М. О. Гершензон подготовил к изданию сочинения Ивана Киреевского и, объявляя его в своем предисловии одним из глубочайших общечеловеческих мыслителей XIX века, вместе с тем сетовал, что иные его идеи превратились к настоящему времени в нечто ничтожное и возмутительное.

Разумеется, за те три четверти века, которые протекли со времени возникновения славянофильства и до этого гершензоновского «обвинения», в русском самосознании многое и во многом изменилось. Однако это было обусловлено вовсе не неким «вырождением» идеи, но существеннейшим изменением самой исторической реальности: невозможно было мыслить в России и о России 1900-1910-х годов точно так же, как в 1840-1850-х...

Для более полного выявления проблемы отмечу, забегая вперед, что в наше время, в 1990-х годах, обрисованный мною «процесс» продолжает развиваться, и те идеологи, которые с порога отвергают нынешних продолжателей славянофильства, вполне уважительно относятся не только к «классическим» славянофилам первой половины XIX века, но и к таким их наследникам, как Леонтьев или Николай Страхов, а нередко и более поздним как Розанов или Флоренский. Но идеологи эти по-прежнему начисто «отрицают» любое современное им продолжение славянофильства (в широком смысле слова). Впрочем, к этой теме мы еще вернемся.

Обратимся теперь непосредственно к «черносотенству» начала XX века, Уже и из приведенных соображений ясно, что даже самые решительные противники «черносотенства» так или иначе признавали его прямую связь с долгим и полным значительности предшествующим развитием русской мысли, утверждая, правда, что к XX веку мысль эта «разложилась» и «выродилась» «Выродилась» до такой степени, что как бы вообще утратила культурный статус. И явно господствует представление, согласно которому «черносотенство» начала XX века вообще не имеет отношения к истинной культуре с необходимо присущей ей высотой, богатством, многообразием и утонченностью; культура, мол, абсолютно несовместима с «черносотенством».

Это представление настолько утвердилось в умах подавляющего большинства людей, что, знакомясь всерьез с реальными представителями «черносотенства», они испытывают чувство настоящего изумления. Так, например, современный архивист С. В. Шумихин, подготовивший целый ряд интересных публикаций, был, по его собственному признанию, «поражен», когда ему довелось познакомиться с наследием и самой личностью одного из виднейших «черносотенных» деятелей начала века – члена Главного совета Союза русского народа Б. В. Никольского (1870–1919). Архивисту именно «довелось» узнать об этом человеке, так как изучал-то он ценное наследие полузабытого поэта, прозаика и литературоведа Бориса Садовского (который, впрочем, как оказалось, тоже был «черносотенцем», – правда, не по принадлежности к какой-либо организации, а по внутренним убеждениям), но, обнаружив в архиве Садовского целый ряд писем Б. В. Никольского, С. В. Шумихин невольно увлекся этим близким сотоварищем своего кумира. И вот какое впечатление произвел на архивиста этот человек (отдельные слова выделены в тексте мною):

«В первую очередь в этой незаурядной личности поражает то, что идеи, кажущиеся нам (стоило бы уточнить, кто же эти самые мы? – В.К.) в исторической ретроспективе несовместимыми, сочетались в Никольском вполне органично, без тени какого-либо душевного дискомфорта. С одной стороны, это был многосторонне одаренный человек: поклонник и глубокий исследователь творчества Фета... крупнейший специалист по творчеству Гая Валерия Катулла; пушкинист, поэт, критик, отмеченный печатью несомненного таланта; вдобавок – один из лучших ораторов своего времени... С другой – перед нами активный член «Союза русского народа» (архивист явно не осмелился сказать: «один из главных руководителей». – В.К.) и не менее одиозного (вот-вот! – В.К.) «Русского собрания»... ортодоксальный монархист»⁵ и т. д. (итак, быть монархистом уже само по себе преступление...).

К этому можно бы добавить, что Б. В. Никольский был крупным правоведом, глубоко изучавшим римское и современное право, что он собрал одну из самых больших и наиболее ценных частных библиотек того времени, для которой пришлось нанять целую отдельную квартиру, что... впрочем, тут даже трудно все перечислить. Скажу только еще о следующем факте. В 1900 году Александр Блок принес свои юношеские, но уже замечательные стихотворения в имевший вроде бы широкую программу журнал «Мир Божий», где печатались тогда Н. А. Бердяев и Ф. Д. Батюшков, И. А. Бунин и сам В. И. Ленин... Но, познакомившись со стихотворениями, сугубо либеральный редактор журнала В. П. Острогорский заявил Блоку: «Как вам не стыдно но, молодой человек, заниматься этим, когда в университете Бог знает что творится»⁶ (речь шла о тогдашней борьбе студентов за «свободу»).

В следующий раз Блок отдал свои стихи Б. В. Никольскому, и тот (а он тогда уже был одним из активнейших деятелей «черносотенного» Русского собрания), нелюбезно покритиковав молодого поэта за «декадентчину», все же отправил его талантливые стихи в печать. Этот эпизод бросает свет на уровень эстетической культуры у либерала и «черносотенца».

⁵ Блок Александр. Собрание сочинений в восьми томах. – М.-Л., 1963, т. 7, с. 14.

⁶ Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. – М.-СПб, 1992, с. 342.

Блок удовлетворенно вспоминал в автобиографии 1915 года, что он со своими стихами после неудачи с Острогорским «долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к Б. Никольскому» (там же).

Следует подчеркнуть, что восприятие современным архивистом С. В. Шумихиным наследия видного деятеля культуры и вместе с тем активнейшего «черносотенца» Б. В. Никольского – это только один выразительный «пример», помогающий уяснить проблему. Было бы совершенно неправильным понять мои рассуждения как некий упрек или хотя бы полемику, обращенные именно к С. В. Шумихину. Повторяю еще раз, что подавляющее большинство нынешних читателей, столкнувшись с «феноменом» Б. В. Никольского, восприняло бы его точно так же, как названный архивист, ибо большинство это поработано мифом о «черносотенстве». Словом, С. В. Шумихин – это всего лишь типичный современный читатель (и исследователь) на randevу, на свидании с «черносотенцем».

И вот этот читатель убеждается, что личность члена Главного совета Союза русского народа Б. В. Никольского решительно противоречит всецело господствующему представлению о «черносотенцах». Впрочем, может быть, это только некий исключительный случай, так поразивший современного наблюдателя? И высококультурный Б. В. Никольский – своего рода белая ворона в «черносотенстве», оказавшаяся в его рядах по какой-то нелепой причине? Архивист – хотя он вообще-то человек знающий, осведомленный – воспринимает Б. В. Никольского именно так (это ясно видно из его высказываний). Вбитое в его сознание представление о «черносотенцах» поистине фатально застилает ему глаза, мешает увидеть реальное положение вещей, которое, в сущности, прямо противоположно «общепринятому» взгляду.

Выдающиеся деятели культуры (а также Церкви и государства) довольно-таки редко вступали в прямую, непосредственную связь с какими-либо политическими движениями. И тем не менее товарищем (то есть заместителем вторым по значению лицом) председателя Главного совета Союза русского народа являлся один из двух наиболее выдающихся филологов конца XIX века начала XX века академик А. И. Соболевский (второй из этих двух филологов, академик А. А. Шахматов, был, напротив, членом ЦК кадетской партии). Алексей Иванович Соболевский (1856–1929) имел самое высокое всемирное признание, и после 1917 года, когда очень многие активные «черносотенцы» были – к тому же, как правило, без всякого следствия и суда – расстреляны (в их числе – и Б. В. Никольский), его не решились тронуть, а классические труды его издавались в СССР и после его кончины.

Деятельнейшим (хотя и не соглашавшимся занимать руководящие посты) участником «черносотенных» организаций был обладавший наиболее высокой духовной культурой из всех тогдашних церковных иерархов епископ, а с 1917 года митрополит Антоний (в миру – Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1934). В юные годы он был близок с Достоевским и явился – что, конечно, немало о нем говорит, – прототипом образа Алеши Карамазова. Четырехтомное собрание его сочинений, изданное в 1909–1917 годах, предстает как воплощение вершин богословской мысли XX века, – о чем убедительно сказано в фундаментальном трактате О. Георгия Флоровского «Пути русского богословия», изданному нас в 1991 году (см. с. 427–438 и особенно с. 565, где Г. В. Флоровский показывает, насколько понимание сущности Церкви в трудах митрополита Антония было глубже и выше, чем в сочинениях на эту тему, принадлежащих прославленному В. С. Соловьеву). Кстати сказать, епископ Антоний постоянно общался и вел переписку с упомянутым Б. В. Никольским.

На Всероссийском поместном соборе в ноябре 1917 года архиепископ Антоний был одним из двух главных кандидатов на пост Патриарха Московского и Всея Руси; митрополит Московский Тихон (В. И. Белавин) получил при избрании его Патриархом всего на 12 голосов больше, чем Антоний (соотношение голосов было 162:150). Но Тихон, причисленный ныне (в 1990 году) Церковью к лику святых, был, по-видимому, более готов к тому тяжкому нрав-

ственному подвигу, который он совершил, будучи Патриархом в 1917–1925 годах (Антоний же эмигрировал и стал во главе Синода Русской православной церкви Зарубежья).

И нельзя не напомнить, что будущий патриарх Тихон, занимая в 1907–1913 годах пост архиепископа Ярославского и Ростовского, одновременно вполне официально возглавлял губернский отдел Союза русского народа (Антоний, как уже сказано, не соглашался занимать руководящее положение в «черносотенных» организациях, хотя весьма активно участвовал в их деятельности).

Подвижническая трагедийная судьба святителя Тихона сегодня достаточно широко известна, но при его прославлении замалчивается тот факт, что он был виднейшим «черносотенцем», – так же, как и канонизированный одновременно с ним светоносный протоиерей Иоанн Кронштадский. В. И. Ленин был совершенно точен, когда во время своей жестокой борьбы с патриархом Тихоном и его сподвижниками постоянно называл их «черносотенным духовенством».

Как уже говорилось, многие выдающиеся деятели Церкви, государства и культуры России начала XX века не считали возможным или нужным напрямую связывать себя с «черносотенными» организациями. Тем не менее в публиковавшихся в начале XX века списках членов главных из этих организаций – таких, как Русское собрание, Союз русских людей, Русская монархическая партия, Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, – мы находим многие имена виднейших тогдашних деятелей культуры (притом некоторые из них даже занимали в этих организациях руководящее положение).

Вот хотя бы несколько из этих имен (все они, кстати сказать, представлены в любом современном энциклопедическом словаре): один из авторитетнейших филологов академик К. Я. Грот, выдающийся историк академик Н. П. Лихачев, замечательный музыкант, создатель первого в России оркестра народных инструментов В. В. Андреев, один из крупнейших медиков профессор С. С. Боткин, великая актриса М. Г. Савина, известный всему миру византист академик Н. П. Кондаков, превосходные поэты Константин Случевский и Михаил Кузмин и не менее превосходные живописцы Константин Маковский и Николай Рерих (позднее прославившийся своими духовными инициативами), один из корифеев ботанической науки академик В. Л. Комаров (впоследствии – президент Академии наук), выдающийся книгоиздатель И. Д. Сытин и т. д., и т. п.

Речь, повторю, идет о людях, которые непосредственно входили в «черносотенные» организации. Если же обратиться к именам выдающихся деятелей России начала XX века, которые в той или иной мере разделяли «черносотенную» идеологию, но по тем или иным причинам не вступали в соответствующие организации, придется прийти к неожиданному для многих и многих современных читателей выводу.

Целесообразно будет сразу же, еще до представления существенных доказательств, сформулировать этот вывод. Есть все основания утверждать (хотя сие утверждение, конечно вызовет недоверие, и даже, по всей вероятности, прямой протест), что преобладающая часть наиболее глубоких и творческих по своему духу и – это уж совсем бесспорно – наиболее дальновидных в своем понимании хода истории деятелей начала XX века так или иначе оказывалась, по сути дела, в русле «черносотенства». Речь идет, в частности, о людях, которые не только не являлись членами «черносотенных» организаций, но подчас даже отмежевывались от них (что имело свои веские причины). Тем не менее, если «примерять» взгляды и настроения этих людей к имевшимся в то время налицо партиям и политическим движениям, становится совершенно ясно, что единственно близким им было именно и только «черносотенство», и их противники вполне обоснованно не раз заявляли об этом.

Начать уместно с вопроса об исторической дальновидности, и здесь я обращаюсь к поистине замечательному документу – записке, поданной в феврале 1914 года Николаю П. Ее автор П. Н. Дурново (1845–1915) с 23 октября 1905-го по 22 апреля 1906 года был министром внут-

ренных дел России (его на этом посту сменил П. А. Столыпин), а затем занял гораздо более «спокойное» положение члена Государственного совета (стоит отметить, что П. Н. Дурново, как и почти все российские министры внутренних дел начала XX века, был приговорен левыми террористами к смерти).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.